

УДК 1(091)101.2

О. Л. Грановская

**ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ВИТГЕНШТЕЙНА VS ХАБЕРМАС:
РЕШЕНИЕ ДИЛЕММЫ И. БЕРЛИНА**

Анализируются берлиновские интерпретации свободы – негативная и позитивная и идеи ценностного плюрализма. Делается вывод, что плюрализм ценностей и негативная свобода либералов приводят к проблеме релятивизма и «дилемме Гоббса – Берлина» – дилемме индивидуального и коллективного разума. Через призму этих концепций рассматриваются концепции свободы последователей Л. Витгенштейна (С. Херли и Ф. Петти) и Ю. Хабермаса.

This article analyses Berlin's negative and positive interpretations of freedom and idea of value pluralism. It is concluded that pluralism of values and liberals' negative freedom results in the problem of relativism and 'Hobbes/Berlin dilemma' – the dilemma between individual and collective reasons. The concepts of freedom of L. Wittgenstein's (Hurly, Pettit) and J. Habermas are considered through the prism of these concepts.

Ключевые слова: история политической философии XX в., ценностный плюрализм, социальная рациональность, коммуникативная рациональность, И. Берлин, Л. Витгенштейн, Ю. Хабермас.

Key words: history of 20th century political philosophy, value pluralism, social rationality, communicative rationality, I. Berlin, L. Wittgenstein, J. Habermas.

В своем самом знаменитом эссе «Два понятия свободы» (1958) И. Берлин различал две интерпретации свободы — негативную и позитивную. Первую Берлин понимает как свободный от вмешательства выбор. Эта концепция свободы имеет множество вариантов, которые различаются в зависимости от понимания невмешательства, но в основе всех этих альтернативных интерпретаций лежит фундаментальная интуиция, согласно которой быть свободным — значит выбирать свободно, без вмешательства со стороны Другого. Это негативное понимание свободы Берлин ассоциирует с классическими английскими политическими философами Т. Гоббсом, И. Бентамом, Дж. С. Миллем.

Позитивная свобода — это свобода самореализации или осуществления желаний. Так, игрок реализует свою свободу в казино. Берлин отмечал, что позитивная концепция в силу своей уязвимости подвергалась на протяжении всей истории мысли искажениям, несовместимым с либерализмом. Всегда существовал большой соблазн объявить «игрока» нерациональным и поставить над ним тех, кто будет решать, что ему на самом деле следует делать.

Свое крайнее выражение такая точка зрения получила у Гольбаха: «Для человека свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость» [2, с. 231]. В доктрине «самореализации» «истинное "Я"» человека отождествляется с тем обществом, государством или классом, к которым он принадлежит, а свобода — с «добровольным исполнением социальных и коммунальных обязанностей» [4, с. 113—114]. Позитивную концепцию свободы Берлин находит у континентальных философов Б. Спинозы, Ж. Ж. Руссо и Гегеля. Современные англо-американские либералы в большинстве своем вслед за Берлиным придерживаются негативной концепции свободы.

Берлин отвергал рационалистические позитивные концепции свободы, поскольку они противоречат магистральной идее его философии — идее плюрализма: принципиальной несовместимости благ, ценностей, целей. Он считал, что фундаментальной свободой необходимо признать негативную свободу, поскольку она лучше всего согласуется с многообразием конкурирующих целей и благ.

Берлиновская негативная свобода — это не «беспрепятственное действие» Гоббса, не «свободное следование желаниям» Бентама и Милля. По Берлину, негативная свобода представляет собой неограниченный другими выбор между альтернативами или возможностями. «Под свободой, — писал Берлин, — я скорее подразумеваю просто число дорог, по которым может идти человек, независимо от того, что он выбирает» [5, с. 15].

Исходящая из идеи плюрализма ценностей негативная свобода подчеркивает атомарность индивида и ставит под вопрос возможность обоснования публичной рациональности и общего блага. Современные политические теоретики либерализма задаются вопросом: способствует ли такое понимание свободы обоснованию либерализма как культурной формы жизни и идеи блага? Современные «гражданские республиканцы» (например, Ф. Петти) отвечают на этот вопрос отрицательно.

Согласно Петти, работы которого одни из самых цитируемых в англо-американских журналах по политической философии [1], политическая свобода, понимаемая как недоминирование (*non-dominat*ion) и независимость от деспотического вмешательства, является основной ценностью республиканства. Современными неореспубликанцами свобода понимается как разновидность структурной независимости: человек свободен, когда не является объектом деспотической (*arbitrary*) или неконтролируемой власти.

Человек или группа людей свободны, по Петти, «в той степени, в какой никакой другой человек или группа людей не имеет возможности *произвольно* (*arbitrary*) вмешиваться их дела» [9, с. 165]. Свобода — это безопасное наслаждение недоминированием. Такое понимание свободы стало негативным в широком смысле, поскольку в нем не говорится о том, что человек должен что-то сделать или достигнуть какой-то цели, чтобы стать свободным. В этом понимании свобода предполагает отсутствие чего-то, а именно какой-либо структурной зависимости от произвольной власти и доминирования. Однако негативная свобода республиканцев отличается от берлинской (либеральной) свободы.

Политическая свобода в понимании неореспубликанцев состоит из правильно учрежденных законов, институтов и норм. По словам Петти, «наслаждаться недоминированием возможно лишь в ситуации, когда никто не может произвольно вмешаться в ваши дела, а такая ситуация возможна лишь при наличии институтов, стоящих на страже невмешательства» [10, с. 107]. Политическая свобода, таким образом, наиболее полно реализуется в самоуправляемых хорошо организованных республиках равных граждан, подчиняющихся закону, где ни один гражданин не может быть хозяином другого. Это царства закона, а не людей. Иными словами, в неореспубликанской концепции «свобода как наслаждение недоминированием» понимается как универсальное благо, которое может достигаться только в обществах, в которых есть либеральный арбитр.

Плюрализм ценностей и негативная свобода либералов приводит к проблеме релятивизма и «дилемме Гоббса — Берлина» — *дилемме индивидуального и коллективного разума*. Основное затруднение республиканцев, таким образом, как возможно обосновать согласие по поводу арбитра и общее благо в эпоху «поздней современности», основным условием которой является плюрализм ценностей и мнений?

Республиканцы критикуют либеральную концепцию свободы. Согласно Гоббсу, свобода выбора требует невмешательства: выбранная возможность должна быть доступна. По Берлину, каждая дверь должна быть открыта, а выбранная и невыбранная возможность доступна. Но аргумент Берлина против Гоббса предполагает альтернативный аргумент: свобода нуждается в чем-то большем, чем невмешательство. Каждая возможность должна быть достижима, никто не может заблокировать доступ: дверь должна быть открыта, а следовательно, необходим мощный стражник. Для обоснования возможности общества, объединяемого едиными гражданскими добродетелями и представлениями о

благие, арбитражные, законы и нормы, республиканцы Филипп Пети (см. выше) и Сьюзан Херли разрабатывают концепцию социальной рациональности.

Они обращаются к «коммунитаристскому» анализу суждений, основы которого, по их мнению, заложены в философии Людвиг Витгенштейна. Их основная логика такова: «Думать — значит пытаться приспособиться к правилам определенного высказывания» [9, с. 68]. Если думать — следовать правилам, тогда возникает необходимость знать, что значит следовать правилу. Главным для Витгенштейна был вопрос, как сохранить правило и что для этого нужно помимо самого правила. Для того чтобы следовать правилу, мы должны знать правильный путь следования, но существует множество путей. Правила сами себя не интерпретируют: ни одно высказывание о правиле не является самоинтерпретацией. Всегда подразумевается индивидуальная естественная способность: думающие субъекты должны обладать «способностями к экстраполяции», побуждающими их продолжать идти по определенному пути, учитывая ограниченное число случаев. Однако эта способность к экстраполяции и продолжению сама по себе недостаточна для того, чтобы следовать правилам; существует неопределенное число способов экстраполяции правила «продолжай в том же духе».

Что же можно сказать о предположении, согласно которому способный к экстраполяции субъект сам решает, каков правильный способ продолжения? Как известно, Витгенштейн доказывал, что не это главное. Следование правилу, например логическому правилу суждения, предполагает, что субъект способен успешно отличить соблюдение правила от ошибки. Хотя, утверждает Херли, субъект должен отличать подходящую интерпретацию правила от неподходящей, ни один индивидуальный расчет, даже самый тщательный, не способен адекватно определить разницу.

Цитируя Витгенштейна, Херли заключает: «...разницу между ошибкой в следовании правилу и использованием другого правила, или неиспользованием никакого правила, нельзя найти среди внутренних, безотносительных, индивидуально определяемых свойств, устремлений или состояний индивидуума: (как отмечал Витгенштейн) "То, что в сложных обстоятельствах мы называем «следованием правилу", взятое само по себе или в других обстоятельствах мы не будем так называть» [8, с. 91].

Идея состоит в том, что субъект, применяющий правило, должен отличать правильное следование правилу от ошибки, верное следование правилу от неверного. Но последователи Витгенштейна считают, что нет чисто индивидуального или интерсубъективного способа следования правилу, позволяющего отличить восприятие действия как верного от действительно верного действия.

Выводом из этого аргумента является идея, что само понятие мышления подразумевает согласие с другими. Если мышление — это следование правилу и следование правилу означает движение по верному пути, а единственный способ проверить в правильном направлении ли ты движешься — посмотреть, что делают другие, то тогда само понятие

«мыслящий субъект» означает, что это всегда социальный, публичный, коллективный субъект. То есть, можно сказать, пользуясь терминологией К. Байера [3], что любая мысль и логическое суждение «социально укоренены». Подрывая саму идею индивидуальной рациональности, аргумент Витгенштейна доказывает, что публичная рациональность не нуждается в непосредственном руководстве со стороны частной рациональности.

Оценивая данный аргумент, необходимо различать две позиции, с точки зрения которых может быть осуществлена оценка: позиция интерпретатора и позиция агента, который следует правилу. Интерпретатор — это та позиция, на которой фокусируется Херли — должен основываться на принципе милосердия, определяя, является ли чья-либо деятельность следованием правилу. Если Иван интерпретирует высказывание (X) Анны как пример применения правила в конкретных обстоятельствах, то тогда получается, что (1) он должен быть в состоянии понять правило и (2) он должен быть способен понять X как правильную и разумную интерпретацию правила в данных обстоятельствах, а это предполагает его способность отличать подходящие применения от неподходящих.

Во многих случаях позиция агента может быть сведена к позиции интерпретатора: когда агент стремится следовать правилу, то он повторяет рассуждения интерпретатора, пытающегося понять, какая из интерпретаций — более адекватна. То, что Иван может сделать для Анны — интерпретировать ее действия по отношению к правилу и возможным применениям, — он может сделать и для себя. И хотя правила, которые применяет Анна, не интерпретируют сами себя, Анна может сама себя интерпретировать. На первый взгляд, это утверждение вступает в противоречие с витгенштейновским анализом человека, следующего правилу. Если, как считает Херли, «Витгенштейн доказывает, что ни одно направление действия не может предопределяться правилом, поскольку любое действие может быть совершено в соответствии с правилом или в нарушение его», любые попытки самоинтерпретации, предпринятые Анной, будут бессмысленны [8, с. 93–94].

В каждый конкретный момент времени в распоряжении Анны есть набор прецедентов, на которые она может сослаться для объяснения, оправдания или применения правила. Это ограничивает неопределенность. Человек, осмысливающий свои убеждения и ценности, вовлекается в «конструктивистскую» интерпретацию. Это такая интерпретация, которая отличается от грамматической, в ней правило трактуется с точки зрения его целей и прошлых интерпретаций. И хотя конструктивистская интерпретация системы ценностей и убеждений всегда незавершена и приближительна, она, тем не менее, накладывает важные ограничения на возможности интерпретации нормы или правила.

Трудно согласиться со Сьюзан Херли, которая утверждает, что человек — субъект норм и ценностей — не может самостоятельно их интерпретировать. В подобной картине мира люди будут создателями норм, но они не будут знать, что входит в эти нормы, а что остается за их границами, и только обращение к пониманию других людей помо-

жет им сообразить, что же делать дальше. Такие создания будут обладать только коллективным разумом, поскольку их собственная способность суждения о нормах дает им только неопределенные ответы. Для получения более точных интерпретаций и ограничения их числа им придется каждый раз приходить к интересубъективному соглашению. Это соглашение будет выступать в качестве конвенции, которая выбирает одну интерпретацию как координационную стратегию из бесконечного множества возможных. Человек, исключенный из делиберации, будет полностью парализован.

Американский исследователь ценностей Филип Петти более аккurateн в признании того, что межличностная согласованность может быть достаточной проверкой правильности интерпретации правила. Он подчеркивает необходимость обсуждения наших межличностных разногласий по поводу применения правил; добавляя требование, согласно которому правила мышления должны быть общезначимыми («commonable»). Как сам он разъясняет, значимые правила — это те, «которые не являются монополией какого-то одного индивида, а могут быть названы общим достоянием любого из них» [9, с. 180].

Итак, современные теоретики либерализма пытаются преодолеть гоббсианскую проблему индивидуальной рациональности, управляющей общественной рациональностью, выдвигая различные формулировки идеи, согласно которой коллективная рациональность имеет социальные корни. Это, по их мнению, делает ее независимой от индивидуальной рациональности. Неовитгенштейновцы представляют утонченный и подробный анализ, доказывая, что всякая рациональность по сути своей социальна. Мыслить — значит следовать правилам, а следование правилам подразумевает социальную конвенцию (межличностное соглашение) по поводу того, как правильно следовать правилу. Рациональность не расщепляется на естественную (индивидуальную) и социальную (публичную), есть только социальная рациональность. Подрывая теоретический фундамент несогласия, эта идея элиминирует основную дилемму либерализма Постпросвещения — как возможно обосновать политические концепции либерализма в плюралистическом мире? Но люди всегда мыслят самостоятельно: они размышляют над правилами и нормами, вынося собственные оправданные суждения.

Между тем этому взгляду противостоит теория коммуникативной рациональности и делиберативной демократии Юргена Хабермаса, которая исходит из парадоксальных идей Берлина и представляет собой «смесь» идей Гоббса и Витгенштейна. В ней социальная конвенция связывается с этикой и политикой более убедительно, чем в теориях современных последователей Витгенштейна. Хабермас проводит фундаментальное различие между 1) дескриптивными высказываниями, которые могут быть истинными или ложными [7, с. 52]; 2) нормативными высказываниями, в особенности высказываниями о справедливости, которые могут быть обоснованными или необоснованными; и 3) высказываниями о ценностях и благе. Хабермас считает, что высказывания второго типа (о справедливости и этике) могут быть объектом рацио-

нального консенсуса и способны продуцироваться рациональным способом. В отличие от них вопросы третьего типа (высказывания о благе) непреодолимо плюралистичны и могут разрешаться в рациональной дискуссии только «в рамках непротиворечивого горизонта конкретной исторической формы жизни или жизни одного индивидуума» [7, с. 108]. Это различие между вопросами о справедливости и вопросами о ценностях позволяет Хабермасу преодолеть негативные последствия берлиновского плюрализма ценностей.

Теорию Хабермаса можно определить как интегративную, противопоставив ее агрегативным теориям демократии, поскольку она построена вокруг идеи делиберации, направленной на достижение общего блага. С точки зрения данной теории посредством делиберации и участия в гражданском обществе и политических институтах индивиды становятся образованными и «трансформируются в граждан» [6, с. 103].

Демократия в данной теории в отличие от теории агрегативной демократии не рассматривается как борьба за власть между эгоистичными индивидуумами и фракциями, а как форум для проведения процедуры делиберации по вопросам общего блага. Свобода в этой теории определяется в берлиновском смысле позитивно [5, с. 241 – 242].

Основной идеей этики и политической философии Хабермаса является идея, согласно которой моральные нормы не могут обосновываться одним человеком, «монологически». Хабермас утверждает, что моральное обоснование нуждается в «настоящем совместном усилии» [7, с. 106].

Для того чтобы доказать истинность нормы, необходимо оправдать ее через публичный дискурс. Хабермас не считает как последователи Витгенштейна, что любое простое соглашение будет достаточным основанием для оправдания нормы. Это может сделать только intersubjective соглашение, возникшее из правильного дискурса. Таким образом, на мой взгляд, именно коммуникативная рациональность, лишенная «антилиберальных» недостатков социальной рациональности неовитгенштейновцев, может быть решением «дилеммы Гоббса – Берлина».

Список литературы

1. Вахрушева Е.А. Что от нас ждут в зарубежных журналах? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 «Общественные науки». 2014. №4. (134). С. 221 – 236.
2. Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Гольбах П.А. Избранные произведения : в 2 т. М., 1963. Т. 1.
3. Грановская О.Л. Исайя Берлин и неогоббсианство: интерпретация публичной рациональности URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10/philosophy/granovskaya.pdf (дата обращения: 06.06.2015).
4. Уолдрон Дж. Теоретические основания либерализма // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998. С. 108 – 137.
5. Berlin I. My intellectual path. L., 2000.
6. Bogason P. Tampering With Tradition: The Unrealized Authority of Democratic Agency. N. Y., 2004.

7. *Habermas J.* Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge, 1991.
8. *Hurley S.* Natural Reasons: Personality and Polity. Oxford, 1989.
9. *Pettit P.* The Common Mind: An Essay on Psychology, Society and Politics. N. Y., 1996.
10. *Pettit P.* Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford, 1997.

Об авторе

Ольга Леонидовна Грановская – канд. филос. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.

E-mail: olg@vladivostok.com

About the author

Dr Olga Granovskaya, Ass. Prof., Far-Eastern Federal University, Vladivostok.

E-mail: olg@vladivostok.com